

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 179–186
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 179–186
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-179-186>

Научная статья
УДК [322+271.2-726.4](47+57)|1937|+929Власов

На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского неокружнического старообрядческого духовенства 1937 года

В. В. Никонов

Гжельский государственный университет, Россия, 140155, Московская область, Раменский р-н, пос. Электроизолятор, д. 67

Никонов Вадим Вадимович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, nikonova-box2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-564X>, Author ID: 732090

Аннотация. В статье на примере дела московского неокружнического старообрядческого духовенства исследуется механизм политических репрессий в отношении верующих. Центральной фигурой статьи выбран диакон старообрядческой моленной Иван Афанасьевич Власов как характерный тип священнослужителя 1930-х гг., крестьянин по происхождению, дважды арестовывавшийся, но не изменивший своей вере. Рассматриваемое следственное дело представляет собой образец процесса над наиболее обособленной частью христиан – старообрядцами, привлекавшими пристальное внимание органов НКВД своей замкнутостью и стойкостью в вере. Причиной ареста стали показания арестованного прежде старообрядческого священника, совпавшие по времени с кончиной одного из неокружнических иерархов – епископа Геннадия (Лакомкина). В результате были репрессированы семеро старообрядцев-неокружников, среди которых оказались священнослужители, активные члены общины и один епископ. В начале июля 1937 г. все они были осуждены к разным видам и срокам наказания, наиболее суровым из которых стало 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Утверждается, что если бы дело по обвинению старообрядцев-неокружников затянулось на три недели и рассматривалось уже после вступления в силу приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., положившего начало периоду Большого террора, то приговоры стали бы более жестоким.

Ключевые слова: Большой террор, диакон Иоанн Власов, неокружники, новинковская моленная, политические репрессии, старообрядчество

Для цитирования: Никонов В. В. На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского неокружнического старообрядческого духовенства 1937 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 179–186. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-179-186>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the threshold of the Great Terror: Deacon of the Old Believers Ivan Afanasievich Vlasov and the case of the Moscow Neocircular Old Believers clergy of 1937

V. V. Nikonov

Gzhel State University, 67 village Electrical insulator, Ramensky district, Moscow region 140155, Russia

Vadim V. Nikonov, nikonova-box2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-564X>, Author ID: 732090

Abstract. The article examines the mechanism of political repression against believers by the example of the case of the Moscow neocircular Old Believer clergy. The central figure of the article is the deacon of the Old Believers prayer Ivan Afanasievich Vlasov as a characteristic type of clergyman of the 1930s, a peasant by origin, who was arrested during collectivization, but did not change his faith. The investigative case under consideration is a sample of the trial of the most isolated part of Christians – Old Believers, who attracted the close attention of the NKVD bodies by their isolation and the steadfastness in faith characteristic of the Old Believers. The reason for the arrest was the testimony of a previously arrested Old Believer priest, which coincided in time with the death of one of the neocircular hierarchs – Bishop Gennady (Lakomkin). As a result, seven non-Orthodox Old Believers were repressed, among whom were clergymen, active members of the community and one bishop. At the beginning of July 1937, all of them were sentenced to different types and terms of punishment, the most severe of which was five years of correctional labor camps. The article claims that if the case against the Old Believers-neokruzhniki dragged on for three weeks, and was considered after the

entry into force of the NKVD order "On the operation to repress former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements" of July 30, 1937," which marked the beginning of the period of the Great Terror, the sentences would have become heavier.

Keywords: the Great terror, deacon John Vlasov, neokruzhniki, Novinkovskaya prayer, political repression, Old Believers

For citation: Nikonov V. V. On the threshold of the Great Terror: Deacon of the Old Believers Ivan Afanasievich Vlasov and the case of the Moscow Neocircular Old Believers clergy of 1937. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 179–186 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-179-186>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Вскоре после революции 1917 г. советское государство решительно выразило свою враждебную позицию по отношению к Церкви, что уже в начале 1918 г. было законодательно закреплено в Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». При этом большевиков всегда живо интересовало все, что происходит за церковной оградой. Для получения информации использовался широкий спектр мер от ежегодно составляемых отчетных документов до внедрения осведомителей в церковную среду и вербовки информаторов среди верующих и духовенства. Кроме того, одним из постоянно используемых рычагов воздействия на «церковников» с первых лет победы революции были и оставались прямые репрессии. Оказавшись при новой власти гонимой, Церковь постепенно становилась все более отвергаемым официально сообществом людей, сохраняющих веру в тяжелых условиях морального и физического насилия со стороны государства. Однако среди граждан СССР существовали особенно замкнутые группы верующих. Это были старообрядцы.

Старообрядчество делится на два основных направления – приемлющих священство и отвергающих его. Среди первых основная часть относится к Белокриницкому согласию, которое во второй половине XIX в. разделилось на тех, кто поддержал так называемое «Окружное послание», подписанное древлеправославным архиепископом Московским и всея Руси Антонием (Шутовым), и тех, кто его не принял, т. е. – окружников и неокружников. Целью Окружного послания было утвердить единство верования в противовес распространявшимся устным и записанным традициям. Кроме того, в Окружном послании прямо подчеркивалось догматическое единство с господствовавшей Церковью и содержался призыв поддерживать правительство и молиться за царскую фамилию [1, с. 521]: «Завещаем и молим, творити молитвы... о здравии и спасении и о царстей победе... богохранимого и великого государя нашего, царя и великого князя, Александра Николаевича... да Господь Бог соблюдет его здрава, мирна... да подаст ему победу на враги, да оградит державу его миром и покорит под нозе его врага и супостата» [2, с. 415].

Позиция, выраженная в Окружном послании, оказалась близка не всем древлеправославным христианам, что привело к еще одному размежеванию, теперь по признаку отношения

к Посланию. Это разделение прошло не просто между различными приходами, а в некоторых случаях прямо по существовавшим прежде как единое целое общинам [3, с. 141]. Именно так случилось в с. Чулково Бронницкого уезда Московской губернии, где из одной Михаило-Архангельской общины образовались две – окружническая и неокружническая.

Документы 1920-х гг. о перерегистрации обеих чулковских общин дают выразительную картину их жизни бок о бок. В деле каждой общины имеются списки ее членов. Весьма показательным может оказаться анализ селений, где проживали чулковские окружники и неокружники. Так, например, члены «религиозного общества при старообрядческом (неокружников) храме при д. Чулково» были родом из сел Еганово и Михайловская Слобода, а также деревень: Чулково, Какузево, Тяжино и Кулаково [4, л. 549, 549 об.]. В списке членов церковного Совета общины, помимо жителей Чулково, присутствуют также верующие, проживавшие в приходе единоверческого Михаило-Архангельского храма в Михайловской Слободе (к нему же относилась д. Кулаково), Покровского храма с. Еганова, относившегося, как тогда говорили, «к господствующей Церкви», а также д. Тяжино [4, л. 550].

Подобная картина в то же самое время наблюдалась в среде старообрядцев, принявших Окружное послание. Среди членов общины, помимо уроженцев перечисленных селений, встречаются также жители сел Мячкова и Нововорождества и деревень Дурниха, Островцы, Заозерье и Сельцо (все перечисленные селения относились к приходам Русской Православной Церкви), причем таковых в общей сложности оказалось больше, нежели жителей собственно Чулково [5, л. 3–<неразб.>]. И среди десяти членов церковного Совета чулковских старообрядцев-окружников только пятеро проживали в Чулково, а остальные – в Михайловской Слободе, Кулакове, Дурнихе, Какузеве и Еганове [5, л. <неразб.>].

Таким образом, географической границы между окружниками и неокружниками в Чулково не существовало, при этом все они были друг другу знакомыми, а часто и родственниками. Однако у каждой общины был свой причт, и в неокружнической чулковской Михаило-Архангельской общине он состоял из священника Семена Прокопьевича Иванова, который до революции был простым крестьянином и дьячком,

а после революции стал священноиереем¹, и Ивана Афанасьевича Власова, также в прежние времена занимавшегося крестьянством, а теперь посвященного во диакона [4, л. 551].

Наиболее полные сведения об Иоанне Власове содержатся в следственном деле, заведенном на нескольких старообрядческих священно-и церковнослужителей 19 апреля 1937 г. В тот день было подписано постановление о принятии дела к производству [6, л. 1–1 об.], в котором помощник оперуполномоченного УНКВД по Московской области, рассмотрев материал «на гр. гр. Колесникова К. И., Золотарева А. Д., Мамонова Д. В., Власова И. А. и др.», нашел в их деяниях признаки преступления, предусмотренного ст. 58–11 УК РСФСР.

Пункт 11 ст. 58, в отличие от широко известного п. 10 (антисоветская агитация и пропаганда), применялся относительно редко и, как правило, в тех случаях, когда репрессировать конкретного человека или группу людей было «надо», но каких-то веских оснований для этого не усматривалось. Деяния по п. 58–11 описывались так: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой» [7, с. 42]. Познакомившись с делом, по которому был осужден диакон Иоанн Власов, становится ясно, что никаких противоправных действий его участники не производили, а вся их «вина» заключалась в том, что они изредка собирались вместе. Но поскольку все люди, находившиеся внутри церковной ограды, внушали властям подозрение, то и старообрядцы, представлявшие собой еще более закрытую общность, даже в сравнении с верующими, относившимся к Русской Православной Церкви, становились предметом пристального внимания НКВД.

Всего в апреле 1937 г. по делу старообрядцев-неоокружников в г. Москве было арестовано 7 чел.: Клементий Иванович Колесников (епископ Конон); Петр Иванович Карасев (попечитель новинковской старообрядческой моленной в Москве); Федор Васильевич Мамонов (инвалид по зрению – слепой); Павел Андреевич Суругин; Даниил Федорович Золотарев (старообрядческий священник г. Боровска); Максим Иванович Цветков (инвалид по зрению – слепой) и диакон Иван Афанасьевич Власов.

В постановлении «Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», составленном в отношении И. А. Власова 27 апреля 1937 г., он назван «протодьяконом моленной старообрядцев-неоокружников дер. Новинки» [6, л. 39]. Из анкеты, составленной сразу после ареста, выясняется, что Власов Иван Афанасьевич родился 27 марта 1872 г. в д. Ботогово Куровского района²

Московской области. Происходил из крестьян-средняков. Образование получил начальное, окончив 2 класса сельской школы. С 1894 по 1897 г. служил в царской армии ефрейтором, в Красной армии не служил. Был женат. Жене Марии Федотовне, домохозяйке, на момент ареста мужа было 65 лет. Проживали супруги в поселке Перерва (ныне – район Москвы) в доме 22 по Пролетарской улице [6, л. 42–42 об.].

Сохранились также две характеристики, написанные об Иване Афанасьевиче председателями сельсоветов – Перервинского и Ботоговского.

Первая, написанная в Перерве, датирована 11 декабря 1934 г., что, во-первых, означает, что И. А. Власов проживал здесь, по крайней мере, с 1934 г., и, во-вторых, что какие-то органы власти в то время уже интересовались его персоной, если затребовали характеристику. В ней говорится, что «Власов Иван Афанасьевич... является служителем религиозного культа. Первое время в Лефортовской церкви, а последнее время – дьякон при селении Новинки Ленинского района, старообрядческой неоокружников» [6, л. 44]. Текст характеристики не позволяет установить, какое именно ведомство ее затребовало. Вторая характеристика, написанная 11 мая 1937 г., т. е. в то самое время, когда Иван Афанасьевич находился под арестом, очевидно, была запрошена органами НКВД, однако ничего предосудительного не содержала: «Характеристика от Ботоговского с/совета Куровского района М. О. на гр-на дер. Ботогово Власова Ивана Афанасьевича. Семейное положение состоит из 7 лиц: жена и 5 чел. детей, сам – пенсионер 2-й группы, уроженец дер. Ботогово, прав не лишался и не лишен. Социально положение – к-зник. Осенью 1936 г. сгорел, причина пожара – шаловство детей. В настоящее время в мае месяце сего года выстроил дом, двор, сени, имеет корову. После сгорания жил в помещении с/совета в задней избе. Родители до революции занимались крестьянством, прав голоса не лишились» [6, л. 43].

Текст характеристики содержит информацию, которая позволяет реконструировать ряд подробностей жизни диакона Иоанна Власова. Во-первых, очевидно, что писалась характеристика человеком, который об аресте Власова не знает. Об этом свидетельствует фраза о построении нового дома в мае «этого» года, т. е. 1937 г., но И. А. Власова, как будет показано далее, арестовали в апреле. Во-вторых, характеристика свидетельствует о том, что некоторое время И. А. Власов вместе с семьей проживал в Ботогове, где имел дом и скотину. Следовательно, его проживание в Перерве носило временный, возможно, даже служебный характер. В-третьих, из текста характеристики узнаем, что в семье Власовых было 5 чел. детей, однако «...со слов Власова, он не имеет с ними связи». И, наконец, в-четвертых, характеристика представляет нам совершенно законопослушного советского

человека. О религиозном служении И. А. Власова не сказано ни слова, зато имеется информация о том, что он никогда не лишился избирательных прав, но, мало этого, – выясняется, что он был членом колхоза. Кроме того, как видно из характеристики, после пожара семейство диакона Иоанна в течение нескольких месяцев – с осени 1936 г. по май 1937 г. – проживало не где-нибудь у знакомых или родственников, как это всегда бывало на селе, а в помещении, принадлежавшем сельсовету, что, несомненно, свидетельствует о его полной политической благонадежности, по крайней мере, для местных властей. Трудно сделать какие-то однозначные выводы из всего сказанного. Можно лишь предположить, что некоторые обстоятельства жизни диакона Иоанна не были известны на его родине. Сам он жил на два дома – в Ботогове, где у него были хозяйство и семья, и в Перерве, откуда он приезжал на богослужения в Новинковскую моленную и по иным церковным делам. Кстати, Перерва и Новинки располагались по соседству, можно сказать, «в шаговой доступности». Здесь следует учитывать вынужденный скрытый образ жизни, характерный для старообрядцев в советское время. Косвенным подтверждением такой версии может служить приведенное выше свидетельство самого Ивана Афанасьевича о том, что связь с детьми у него прервана.

Что же собой представляла Новинковская моленная? В современных справочниках она фигурирует как «Молитвенный дом иконы Божией Матери Казанская в Новинках». Согласно информации, содержащейся на портале «Храмы России», расположена она была «в Московском уезде, в деревне Новинки на Большой улице». Ныне это территория Москвы, район проспекта Андропова³. Богослужения здесь проводились с 1820-х гг. «Общественная моленная в Новинках, по официальным данным, существовала с 1828 г., представляла собой двухэтажное здание с каменным верхом и деревянным низом. Разрешение на ремонт получено в 1898 г., однако фактически выстроена новая бревенчатая моленная с небольшой главкой. В 1925 г. упомянута как церковь, имеющая колокольню. Значительный неокружнический центр, распространявший свою деятельность на все окрестные селения. Закрыта в 1936 г., в следующем году сломана» [8].

Вернемся к событиям апреля 1937 г., когда были произведены аресты группы новинковских старообрядцев. Большинство из перечисленных выше лиц были арестованы в один день – 27 апреля, точнее, в ночь с 27 на 28 апреля. Согласно материалам дела обыск и арест на квартире у Ивана Афанасьевича Власова в Перерве происходили 28 апреля, но, как можно представить, это было самое раннее утро. При обыске присутствовал председатель местного сельсовета и еще один человек без указания должности – вероятно, сосед, вызванный в качестве понятого. То ли

потому, что это было не основное жилье арестованного, то ли по какой-то иной причине, но в протоколе имеется запись: «Пре обыске у Грна Власова Ивана Афанасьевича нечево не оказалось» [6, л. 41–41 об.]. Затем Иван Афанасьевич был арестован и переправлен в тюрьму, где с его слов была заполнена анкета, процитированная выше.

В тот же день, 28 апреля 1937 г., Власова допросили [6, л. 78–79 об.]. В анкетной части протокола допроса он фигурирует как «протодиякон старообрядческой моленной в селе Новинки», причем по социальному положению, как до революции, так и после нее, показан служителем культа. Ни слова о членстве в колхозе, как о том писалось в характеристике с места рождения, здесь не было. Сообщаются некоторые дополнительные подробности о детях. Так, узнаем, что старшие сыновья – Терентий 37 лет, и Михаил 35 лет, работают в Москве. Сын Иван 28 лет работает слесарем, но где – неизвестно. Кроме того, имеется еще дочь Александра 28 лет, о которой вообще никаких сведений нет. И здесь опять уже известная приписка: «С ними связи не имею».

Еще одна важная информация содержится в анкетной части протокола допроса. Выясняется, что в 1930 г. Иван Афанасьевич «был арестован органами НКВД в д. Чулково Раменского района. Был освобожден по отбытии 37 дней» [6, л. 78 об.]. Следственного дела 1930 г., откуда можно было бы почерпнуть подробности этого непродолжительного ареста, пока обнаружить не удалось. Согласно общим тенденциям того времени в 1930 г. арестовать диакона могли под предлогом сопротивления колхозному строительству, что было тогда типичным обвинением, предъявляемым всем неугодным, а священнослужителям – особенно часто. За такую деятельность люди получали, как правило, 3 года высылки. Все работало по отработанной властями схеме, расхождения были в деталях. Но тот факт, что Иван Афанасьевич провел в заключении 37 дней, после чего был освобожден, свидетельствует о том, что накатанная схема в его случае дала сбой. 37 дней – чуть больше месяца – это средний срок следствия рубежа 1920–1930-х гг. Следовательно, диакон Иоанн Власов фактически был освобожден сразу после его окончания, иными словами, оправдан. Теоретически в рассматриваемый период это было еще возможно. Только так можно объяснить запись в анкетной части его допроса 1937 г. Не делая никаких предположений, отметим, что для сотрудников НКВД И. А. Власов являлся, таким образом, человеком, прежде судимым по политической статье. Кроме того, факт ареста диакона Иоанна в Раменском районе представляется важным, так как, возможно, именно он стал причиной того, что ему пришлось уезжать из Чулково в поисках нового места служения.

Тематика вопросов, предложенных И. А. Власову, сразу определила, что следствие интересовало внутренние связи в среде старообрядческого духовенства. В самом начале допроса следователь спросил об отношениях диакона Иоанна с незадолго до этого скончавшимся старообрядческим епископом Геннадием⁴, и когда он примкнул к почившему владыке. «До лета 1936 г. я был против епископа, – отвечал И. А. Власов, – однако после закрытия церкви в Лефортове в Москве, я дал слово епископу Геннадию быть ему верным и с этого времени стал его сторонником». Следователь спросил, давал ли арестованный присягу епископу. Тот ответил, что присяги не давал, но «только подходил к епископу под прощение»⁵. Дальше начались вопросы о том, с какими старообрядческими священниками приходилось общаться диакону Иоанну и в каких собраниях он участвовал. И. А. Власов назвал несколько имен, уже известных следствию, добавив, что ни на каких тайных собраниях он не был, а все духовенство вместе встречал лишь несколько раз. В последний раз – на похоронах епископа Геннадия, после которых он даже не остался на поминки, а сразу уехал домой. Была еще большая служба в Боровске, где диакон Иоанн также присутствовал, но это никак нельзя назвать собранием старообрядцев, тем более тайным.

Через месяц, 28 мая 1937 г., И. А. Власова снова вызвали на допрос [6, л. 80]. На этот раз следователя интересовало, писал ли диакон Иоанн какие-либо письма контрреволюционного содержания под диктовку покойного епископа Геннадия для священников Украины и Кавказа. Арестованный дал отрицательный ответ, после чего следователь задал обычный вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении. Следует отметить, что в материалах дела не сохранилось никакого документа, по которому можно было бы составить хоть какое-то представление о том, в чем, собственно, оно состояло. Иван Афанасьевич в предъявленном (а лучше сказать, в непредъявленном) обвинении виновным себя не признал, и на этом второй допрос закончился.

И на следующем, третьем допросе, состоявшемся вскоре – 1 июня 1937 г., И. А. Власов отвечал также уверенно, хотя следователь на сей раз действительно предъявлял ему весь обычный набор обвинений. «Следствием установлено, – настаивал следователь, – что вы являлись участником к/р организации старообрядцев неокружников и неоднократно участвовали в нелегальных совещаниях... Вы вели антисоветскую к/р агитацию... Вы писали письма к/р содержания под диктовку Геннадия для отсылки на Украину и на Кавказ». Все обвинения диакон Иоанн упорно отрицал [6, л. 80 а].

Дальнейшие материалы дела позволяют установить, что органы НКВД обратили

свое внимание на старообрядцев-неокружников по вполне прозаической причине. Резонно опасаясь любых попыток консолидации среди церковников (не только старообрядцев, но вообще людей Церкви), власти стремились любыми путями мешать объединению верующих. Для этой цели использовались самые разные средства – запугивание, шантаж, интриги и пр. Но наиболее чувствительными и действенными применяемые меры оказывались в переломные моменты жизни общин. Кончина одного из признанных церковных авторитетов, каким был неокружнический епископ Геннадий, очевидно, стала таким моментом. Поэтому все, кто входил в его ближний круг, сразу оказались в сфере внимания органов НКВД и вскоре были арестованы. То, что еще в 1936 г. от имени епископа Геннадия рассылались письма по южным областям СССР, скорее всего, тайной для властей не было, равно как и то, что никакой контрреволюционной агитации эти письма не содержали. Просто с его кончиной представился удобный момент, чтобы арестовать очередную группу духовенства, что и было сделано.

Что же касается епископа Геннадия, то он по мере сил заботился лишь об устройении вверенной ему паствы, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся его послания [6, л. 56]. Другой вопрос, что забота епископа о Церкви, вполне естественная и составляющая его основную обязанность, с точки зрения советской власти, сама по себе являлась чуть ли не преступлением, хотя никакого преступления даже по советским законам епископ Геннадий не совершал. Не было ничего предосудительного и в послании неокружнического священника Даниила Золотарева епископу Конону (Колесникову) [6, л. 55–55 об.], где он сообщал о кончине владыки Геннадия, что не помешало вскоре обоим стать обвиняемыми по рассматриваемому делу.

Кончина московского епископа Геннадия собрала воедино представителей духовенства и активных мирян нескольких неокружнических общин, объединившихся вокруг Новинковской моленной, где и проживал в последнее время перед смертью почивший владыка, что сделало возможным и удобным для органов НКВД арестовать их всех разом. При этом, как отмечалось ранее, никаких конкретных обвинений, кроме надуманных контрреволюционной агитации и нелегальных собраний, предъявить им возможности не было. Даже в Обвинительном заключении [6, л. 97–100] по делу неокружнического старообрядческого духовенства, где, казалось бы, каждая фраза должна утверждать вину арестованных, поначалу все формулировки выглядели неуверенно: «Произведенным по делу следствием, – говорилось в документе, – установлено, что, начиная с лета 1936 г. проживающий в сел. Новинках старообрядческий епископ неокружников Геннадий (ныне

умерший), объявив себя единственным старообрядческим епископом, организовал из активных старообрядцев... организацию, проводил к-р работу по сплочению старообрядческих общин всего Советского Союза, вербовал верующих и священников, ранее примыкавших к другим епископам, подводил их под присягу быть верным ему и бороться с безбожием». Понимая, вероятно, что таким Обвинительное заключение быть не может, его составитель добавил, что епископ Геннадий якобы внушал верующим и распространял среди них «клеветнические и к-р фашистские настроения. Имея обширную переписку по Советскому Союзу с старообрядцами, Геннадий в письмах на имя общин верующих давал в августе м-це 1936 г. контрреволюционное толкование Сталинской конституции и обосновывал цитатами из священного писания, предвещающая гибель безбожникам при помощи Германии» [6, л. 97–100].

Эти обвинения были вполне серьезными. Возникал главный вопрос: имелись ли для них какие-либо основания? К сожалению, такие основания у следствия были. Можно говорить об их неубедительности, но формальный повод для обвинения всех, проходивших по делу вместе с диаконом Иоанном Власовым, у органов НКВД имелся. Этим поводом стали материалы дела старообрядческого священника из г. Коломны Романа А.⁶, арестованного незадолго до описываемых событий, который на допросах, главным образом касавшихся его взаимоотношений с епископом Геннадием, обмолвился о том, что ему знакома целая группа лиц, «разделяющих взгляды Геннадия» [6, л. 51], и сообщил следователю фамилии членов группы. Это были имена арестованных в апреле 1937 г. старообрядцев. Теперь следователю оставалась лишь техническая работа. «Что же, – спросил он, – эта группа лиц настроена против советской власти?» Заметим, что допрашивали отца Романа по делу, не имевшему прямого отношения ко всем перечисленным лицам. При чтении протокола создается впечатление, что он мог бы просто ответить отрицательно, и разговор пошел бы в другую сторону. Но отец Роман отвечает: «Да, вся эта группа настроена против советской власти. Все они являются активом старообрядческой общины и имеют среди верующих авторитет». Эту фразу следователь жирно обводит красным карандашом. Показания отца Романа заняли целую страницу машинописного текста, напечатанного весьма плотно. Здесь имелись сведения и о самом епископе Геннадии, который, по словам обвиняемого, именовал себя «епископом старообрядцев-неокружников всего союза» и утверждал, что все старообрядцы, кто не почитает его, есть еретики. Кроме того, отмечалось, что «со стороны епископа Геннадия было стремление объединить и возглавить всех старообрядцев-неокружников... Такое объединение имело цель – усиление

старообрядческого течения в советском союзе (так в тексте. – В. Н.) и укрепляло старообрядческую организацию. Тем более, епископ Геннадий вел одновременно обработку священников и преданных прихожан в духе антисоветском» [6, л. 51 об.]. Здесь следователь, естественно, потребовал конкретики, и обвиняемый ее предоставил, показав, что «после опубликования Сталинской Конституции к епископу Геннадию поступало много писем от священников из разных мест – с Украины и с Кавказа, в которых священники спрашивали, как им относиться к Конституции. Епископ Геннадий отвечал священникам, что новая Конституция – обман народа, что никакого освобождения для верующих она не принесет и что все останется без изменения» [6, л. 51 об.]. Но мало этого, по словам обвиняемого А., епископ предлагал и священникам разъяснять такие его взгляды на своих приходах, что выглядело, конечно, уже серьезным преступлением. Для распространения контрреволюционной агитации у епископа Геннадия были помощники, которые и писали письма под диктовку владыки. Этими помощниками, помимо самого отца Романа, были, по словам последнего, И. А. Власов и П. И. Карасев. Надо сказать, что отец Роман не ограничился показаниями на лиц, арестованных в апреле 1937 г., и на следующем допросе [6, л. 53] назвал имена еще нескольких человек, судьбу которых мы не будем проследивать, так как это выходит за рамки обозначенной темы.

Таким образом, в основу обвинений, выдвинутых против духовенства и мирян – старообрядцев-неокружников – весной 1937 г., легли показания арестованного несколькими месяцами раньше священника Романа А., а поводом стало желание властей предотвратить консолидацию церковников, которая вполне могла произойти вследствие кончины авторитетного иерарха епископа Московского Геннадия.

Рассматриваемое дело выделяется из огромного списка подобных дел тем, что в нем фактически отсутствуют показания свидетелей. В деле имеются короткие показания двух крестьян д. Новинки [6, л. 85–88], в которых они не только не сообщают следствию абсолютно никаких новых сведений, но даже не приписывают кому-либо из обвиняемых хоть какие-то контрреволюционные высказывания. Фактически единственным свидетелем по делу, сам того не желая, выступил священник Роман А. Все остальное обвиняемые рассказали про себя сами. Рассказали, чтобы потом полностью подтвердить свою вину. В Обвинительном заключении об этом так и сказано: «Будучи привлечены к ответственности в качестве обвиняемых: Колесников К. И., Золотарев Д. Ф., Карасев П. И., Мамонов Ф. В., Суругин П. А., Цветков М. И., в предъявленном им обвинении виновными себя признали». И только один из всех обвиняемых твердо и последовательно свою вину отрицал.

Этим человеком был диакон Иоанн Афанасьевич Власов: «Власов И. А. в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал...». Правда, дальше Обвинительное заключение содержит специально приготовленную для таких случаев фразу: «...Однако, достаточно изобличается свидетельскими показаниями его участия в к/р группе». И далее следует совсем уже надуманное обвинение, только подтверждающее тезис о том, что все дело было сооружено на пустом месте: «...И он сам (Власов. – В. Н.) в своих показаниях не отрицает факт, что является сторонником Геннадия и давал слово быть верным ему» [6, л. 97–100].

Однако это не помешало всех проходивших по делу обвинить в том, что они, «состоя в контрреволюционной организации старообрядцев-неокружников, проводили к-р работу среди населения и участвовали в ряде нелегальных совещаний», и передать дело на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

8 июля 1937 г. все обвиняемые были осуждены к различным видам и срокам наказания: М. И. Цветкова [6, л. 108] (напомним, слепого) и П. А. Суругина [6, л. 109] было решено отдать под надзор по месту жительства сроком на 2 года; Мамонова Ф. В. (также слепого) [6, л. 111] и Золотарева Д. Ф. [6, л. 114] – заключить в ИТЛ на 5 лет; Карасева П. И. [6, л. 112] и Колесникова К. И. (епископа Конона) [6, л. 113] – сослать в Восточную Сибирь на тот же срок, а Ивана Афанасьевича Власова, несмотря на его отказ от признания своей вины, сослали на 5 лет в Казахстан [6, л. 110].

Так закончилось очередное надуманное дело, не основанное ни на каких противозаконных деяниях и обличающих осужденных фактах, которое было возбуждено на пустом месте и в короткий срок сфабриковано. Нескольким несчастным людям, среди которых были пожилые, сломали жизнь, лишили их привычного уклада, сослали в незнакомые места с новыми людьми, порядками, климатом.

Однако такое наказание, несмотря на его очевидную неправомерность, может показаться неожиданно мягким. Ведь в 1937 г. за самые незначительные оговоры и подозрения репрессированные могли получить от 10 лет лагерей до высшей меры наказания. А здесь 5 лет ИТЛ, причем не всем. А кому-то – вообще «только» высылка. Вопрос вполне правомерный. Могли бы дать больше, а могли бы и расстрелять. Но фигурантам этого дела, как ни странно это звучит, «повезло». Это именно так, ведь они «успели» получить свои сроки до начала Большого террора, для которого и были характерны внесудебные расправы, тройки НКВД, огромные сроки и самые страшные приговоры. Причем успели, можно сказать, в последний момент. Напомним, заседание Особого совещания, на котором

рассматривалось дело старообрядцев-неокружников, состоялось 8 июля 1937 г. А печально знаменитый секретный Приказ НКВД № 00447 [9], открывший путь к массовым репрессиям и фактически положивший начало беспрецедентному в мировой истории феномену уничтожения собственного населения, который впоследствии будет назван Большим террором, был подписан 30 июля 1937 г. Таким образом, Ивана Афанасьевича Власова и его «подельников» успели осудить за 3 недели до начала самого страшного периода репрессий, в который на полтора года погрузилась страна после опубликования этого приказа. Если бы следствие затянулось, несомненно, и сроки наказания были бы иными, и не исключено, что кто-нибудь из осужденных был бы расстрелян как антисоветский элемент.

Реабилитация всех осужденных по этому делу состоялась в 1991 г. [6, л. 123–123 об.].

Рассмотренное дело представляет собой выразительный пример того, как органы НКВД стремились проникнуть в относительно закрытую для посторонних среду старообрядческих религиозных общин. Дело духовенства московских старообрядцев-неокружников явилось следствием совпадения ряда причин, таких как кончина московского епископа Геннадия и показаний арестованного священника Романа А., указавшего имена тех, кто стал фигурантами дела. Сотрудники НКВД, пристально следившие за жизнью религиозных общин, воспользовались создавшейся ситуацией и произвели аресты. Однако, как можно заключить из материалов дела, никаких принципиально новых сведений о структуре и деятельности старообрядцев-неокружников, властям получить не удалось.

Примечания

- ¹ Старообрядческое именование священника.
- ² Ранее – Егорьевского уезда.
- ³ Точнее: между Москвой-рекой и станцией метро Коломенская, слева от проспекта Андропова, если ехать из центра в сторону области.
- ⁴ Геннадий (Георгий Иванович Лакомкин) – неокружнический епископ.
- ⁵ В данном контексте слово «прощение» может означать краткий обряд, который совершается на старообрядческих службах полунощницы, павечерницы, перед началом Божественной литургии. При этом обряде просящий прощения опускается ниц на колени и проносит молитву определенного содержания.
- ⁶ В материалах дела фамилия приведена полностью.

Список литературы

1. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М. : Институт ДИ-ДИК, 2006. 688 с.
2. Субботин Н. И. Современные движения в расколе // Русский вестник. 1863. № 7. С. 401–436.

3. Никонов В. В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области : в 6 т. Т. 2 : Гжельская волость. Гжель : ГГУ, 2017. 576 с.
4. Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 1215 (Административный отдел Моссовета). Оп. 3. Д. 113.
5. ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 78.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 10035 (Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области). Оп. 1. Д. П-78542.
7. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.
8. Храмы России [Электронный ресурс]. URL: <http://temples.ru/card.php?ID=9722> (дата обращения: 10.11.2021).
9. Приказ НКВД № 00447 (Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.) // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/32818> (дата обращения: 10.11.2021).

Поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 31.01.2022